

БИБЛИОТЕКА НА НИКИТСКОМ

Дом Гоголя на Никитском... Последнее пристанище писателя. Кабинет — угловая комната окнами во двор и на бульвар. Контурка в переднем углу, между двух окон. Здесь писатель работал. Жил скромно, уединенно, окруженный лишь самыми необходимыми вещами. Нехитрая мебель: диван, письменный стол, книжный и платяной шкафы. Что в первую минуту останавливает взгляд, это обилие книг. Книги в шкафу, на столе, на верхней, огражденной перильцами части контурки, рядом с орудиями его писательского труда — чернильницей, пером, бумагой.

Просматриваю книги. Нет, это не подлинная библиотека писателя. Та не сохранилась. Так же, как интерьер, сейчас она воссоздается. И, может быть, восстановление библиотеки поможет нам в какой-то мере проникнуть в творческую лабораторию Гоголя при его работе над второй частью «Мертвых душ». Второй и третий тома заду-

манной как роман-эпопея поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» должны были, по мысли автора, осветить русскую жизнь с самых различных сторон — исторической, географической, гражданской, народной. В работе широко использовались фольклор и этнографические материалы. Писатель даже собирал сведения по ботанике, пользуясь не только печатными источниками, но и собственными наблюдениями.

Держу в руках один из томов книги «Петра Симона Палласа путешествия по разным провинциям Российского государства». Это пятитомное сочинение было законспектировано Гоголем. В основном выписки касались природы и этнографии. Впоследствии они должны были органически войти в описание поездки Чичикова. С этой же целью писатель изучает труды П. И. Рычкова, В. М. Севергина, В. Ф. Зуева. Все эти книги здесь, рядом, постоянно находились у него под рукой.

Как известно, Гоголь проявлял большой интерес к описаниям Сибири. Какое, казалось бы, отношение имеет она к героям «Мертвых душ»? Дело в том, что один из центральных в идейном и художественном плане персонажей второго тома молодой помещик Тентетников за участие в тайном обществе ссылается в Сибирь. Вслед за Тентетниковым, повторяя подвиг жен декабристов, едет к месту ссылки его невеста Уленька. Подробные сведения о Сибири, сохранившиеся в трудах упомянутых авторов и творчески переработанные гением писателя, еще более оттеняли трагическое звучание этой темы.

Следует отметить большую чуткость Гоголя в отборе литературы. В 1849 году известный ученый Я. К. Грот с возмущением пишет о том, что Гоголь для своего самообразования читает книгу Булгарина «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношении». Лишь через мно-

го лет выяснилось, что настоящим автором книги был талантливый, но неимущий ученый Н. А. Иванов, вынужденный из-за недостатка средств продать Булгарину право издания своего труда. Имя Фаддея на обложке компрометировало книгу в глазах прогрессивной читающей публики. Гоголь же, не смутясь именем своего литературного врага и обнаружив в книге свежую, яркую мысль, деятельно использовал ее для работы.

Стремясь охватить повествованием всю Россию не только в пространстве, но и во времени, Гоголь отодвигает время действия поэмы на 20—30 лет назад, в эпоху, которой непосредственно предшествовал 1812 год. Приходилось пользоваться историческими источниками — ведь этого времени писатель почти не застал. На полках — история Карамзина, многие другие книги.

Большое внимание уделял Гоголь и статистике. Вот вышед-

шая в Москве в 1827 г. «Хозяйственная статистика России» В. П. Андросова. Судя по воспоминаниям современников, она являлась постоянным справочником писателя.

«О себе пока не могу сказать ничего: соображаю, думаю и обдумываю второй том «Мертвых душ», — писал Гоголь из Москвы своему другу П. А. Плетневу в Петербург. Работа эта имела самые разнообразные аспекты.

Вот что вспоминал знакомый Гоголя Л. И. Арнольди об их совместной поездке в Калугу летом 1849 г.: «Мы ехали довольно тихо, а он (Гоголь) беспрестанно останавливал кучера, высанивал из тарантаса, бежал через дорогу в поле и срывал какой-нибудь цветок; потом садился, рассказывал мне довольно подробно, какого он класса, рода, какое его лечебное свойство, как называют его наши крестьяне...».

Гоголь, не только любитель, но и серьезный специалист в

ботанике, отбирал для работы только книги, представлявшие определенный научный интерес: «Описание растений Российской империи» Палласа, труд профессора Н. П. Щеглова «Хозяйственная ботаника, заключающая в себе описание и изображение полезных и вредных для человека растений»...

В воспоминаниях того же Арнольди говорится о чтении Гоголем не дошедшего до нас эпизода с описанием сада: «Мастерской кистью был описан этот сад, каждая ветка на деревьях, палящий зной в воздухе...».

«Читаю преимущественно то, где слышится сильней присутствие русского духа», — продолжает Гоголь в уже цитированном нами письме к Плетневу. Стремясь обогатить свое произведение подлинно русскими мотивами, писатель большое внимание уделяет этнографии и фольклору. В 1848 году начинает выходить замечательное

песенное собрание П. В. Киреевского. Очевидно, Гоголь широко пользовался этими материалами еще до выхода их в свет — общезвестна их дружба с собирателем. Писатель изучает фольклорные сборники И. П. Сахарова, И. М. Снегирева, этнографические труды А. С. Тереженко. Повышается его интерес к «Слову о полку Игореве», издававшимся тогда русским летописям.

Случайных, не нужных для работы книг в это время просто не оказывалось на письменном столе Гоголя. Он интересуется «Ручной книгой гражданского судопроизводства», просматривает многочисленные узаконения по купчим крепостям. Рисуя нововведения в имениях Костанжогло, писатель изучает книгу М. А. Байкова «Обозрение сельского хозяйства в удельных имениях».

И каждая из этих книг тем ценнее для нас, что помогает в какой-то мере приоткрыть завесу над творческой лабораторией писателя, понять замысел созданного и уничтоженного автором второго тома «Мертвых душ».

А. ЦВЕТКОВ.

120 ИЮН 1982

МОСКОВСКАЯ ПРАВДА
Москва